

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди

Виктория Токарева

Извинюсь.
Не расстреляют

Рассказы и повести

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Художественное оформление В. Матвеевой

Токарева В.

Т51 Извинюсь. Не расстреляют : Рассказы и повести. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с.
ISBN 978-5-389-08800-9

«Сколько раз в своей жизни я протягивала руку помощи и скольким людям. А когда помощь понадобилась мне, их не было рядом. Рядом случился незнакомый человек, совершенно случайно свалившийся на голову. Значит, принцип «ты мне, я тебе» не срывает, потому что добро бескорыстно. Ты мне, я другому, другой третьему — и так далее во времени и пространстве. И чтобы цепочка не прерывалась».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-08800-9

© Токарева В. С., 1987, 1997

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Издательство АЗБУКА®

извинюсь. не расстреляют

Однажды я написала статью «Он и Она». Статью опубликовали, я успела об этом забыть, когда в моей квартире раздался телефонный звонок и женский голос потребовал меня к телефону.

— Это я, — призналась я.

— Можно, я к вам приду?

— А зачем? — спросила я, хотя это было не очень вежливо.

— Посоветоваться о жизни.

— А почему вы хотите советоваться именно со мной? — удивилась я.

— Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подходите.

Я растерялась от такого наивного доверия.

— Простите, а кто вы?

— Лида, — представилась незнакомка.

Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия.

— Простите, сколько вам лет?

— Сорок.

— А где вы работаете?

— На овощной базе.

Теперь образ Лиды предстал более объемно.

— Вряд ли я смогу быть вам полезна, — честно предупредила я.

— А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И все.

— Хорошо. Я вас жду.

Я продиктовала адрес и положила трубку. Положив трубку, я пожалала плечами и бровями, хотя видеть меня Лида не могла.

Отворилась дверь, и вошла моя шестилетняя дочь.

— Ты умеешь делать так? — спросила она и заскакала, заводя одну ногу за другую. Такие па в балете называются «веревочка».

— Умею, — задумчиво сказала я, продолжая думать о Лиде. Мне не жаль было своего времени, а жаль напрасных Лидиных надежд.

— Покажи.

Я хотела отказаться, но тогда дочь очень бы удивилась и спросила «почему?» и мне пришлось бы объяснять, что взрослые

люди отличаются от маленьких тем, что не хотят скакать по утрам. Дочь снова бы спросила «почему?», и беседа могла затянуться.

Я покорно и хмуρο проскакала «веревочкой», пятясь при этом к окну.

Дочь внимательно смотрела на мои ноги, потом удовлетворенно кивнула головой и ушла.

Я сняла трубку и позвонила любимой подруге Милке. Мы созваниваемся с ней каждое утро и проговариваем свою жизнь. Я свою, а она свою. Наша дружба — это не что иное, как потребность оформить в словах свои впечатления.

— Ко мне сейчас Лида придет, — сказала я Милке.

Милка работает врачом в районной поликлинике и, должно быть, одним ухом прослушивает больного, а у другого уха держит телефонную трубку.

— Какая Лида?

— Позвонила какая-то Лида. Хочет посоветоваться...

— Не пускай ни в коем случае! — предупредила Милка. — Ты знаешь, что сейчас в Москве творится?

— Что? — растерялась я.

— Она тебя убьет и фотокарточек наде-
ляет.

- А фотокарточки зачем?
- На память.
- А ты не можешь ко мне сейчас прийти? — испуганно спросила я.
- Как же я приду, если я на работе?
- Я молчала.
- Ну ладно... — Милка вошла в мое положение. — Если она начнет тебя убивать, ты мне позвони.
- Раздался звонок в дверь.
- Я положила трубку и пошла навстречу своей судьбе.

Передо мной стояла женщина в синем бостоновом пальто с серым каракулевым воротником. Эту моду я застала, когда ходила в третий класс начальной школы.

Я поняла, что это Лида. Я поняла, что убивать меня она не собиралась, ей это даже в голову не приходило.

Я поняла: у Лиды тяжело на душе. Ей не к кому пойти, чтобы проговорить свою жизнь, и она пришла к совершенно постороннему человеку. Видимо, понятие «писатель» для нее синоним понятия «справедливость». Она пришла за справедливостью.

- Проходите, — пригласила я. — Раздевайтесь, пожалуйста...

Лида сняла пальто, туфли и осталась в шапке. Я достала ей тапки, она их не надела.

Мы прошли в комнату, я предложила Лиде сесть на диван. Она села на самый краешек, и я видела, что сидеть ей неудобно.

Она была смущена тем, что физически существует в моих стенах, поэтому старалась, чтобы ее было как можно меньше.

— Хотите чаю? — предложила я.

— Нет-нет... — перепугалась Лида.

Она смущалась так, что не могла поднять глаз. Ее скованность передалась мне, мы сидели в каком-то гипнотическом оцепенении, и у меня через минуту заболела голова.

— Я вас слушаю, — сказала я, с состраданием глядя на свою гостью. Я готова была помочь ей в чем угодно, чего бы она от меня ни потребовала.

— Я на базе работаю... — начала Лида. — К нам болгарские помидоры привезли.

Я задумчиво покивала головой, как слон. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли болгарские помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, без-

вкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я недавно иду, смотрю, из-под шатра течёт. Прихожу к Потякину, говорю: «Портится товар». А он говорит: «Спишем»...

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, и снова покивала головой, как бы осуждая беспечность Потякина.

— Я говорю: «Что значит «спишем»? Надо перебрать». А он мне: «Спишем, тогда переберем»...

Лида посмотрела на меня открытым взором, и я увидела, что она освободилась от смущения и что глаза у нее серые, а брови подтемнены карандашом.

Я попыталась разобраться в ситуации: перебрать — означало отложить все хорошие помидоры в одну сторону, а все плохие — в другую. Потом плохие выбросить, а хорошие продать как хорошие.

Потякин предлагал списать весь шатер, чтобы он нигде не числился, потом плохие выкинуть. Хорошие продать как хорошие, а деньги взять себе.

— Ворует, что ли? — догадалась я.

— Мошенничает, — поправила Лида.

Мошенник — это промежуточное состояние между честным и вором. Это еще не вор, но уже не честный человек.

- Вы хотите, чтобы я про него написала в газете? — догадалась я.
- Боже упаси! — испугалась Лида. — У него дети. Разве можно позорить отца взрослых детей?
- Но если он мошенник?
- А как вы это докажете? — спросила Лида, будто это я, а не она работала под началом Потякина. — Он так все обдeldывает, у него комар носа не подточит.
- А что вы хотите? — прямо спросила я.
- Мне с ним работать противно, — уклончиво ответила Лида.
- Уходите.
- Куда?
- На другую базу. Не везде же воруют.
- Значит, я права и я уйду. А он останется...
До этого решения Лида могла бы додуматься самостоятельно. Не обязательно было ехать в такую даль.
- Может быть, его можно перевоспитать? — неуверенно предложила я.
- Он что, дошкольник? — спросила меня Лида. — Не понимает?
- Я смутилась и сдвинулась на краешек дивана, а Лида, наоборот, села поудобнее.
- Значит, переделать его вы не можете. Позорить не хотите. Работать вам с ним противно, а уходить обидно, — попытокнула я. — Что вы хотите?

Лида молчала. Она хотела, чтобы Потякин был честным человеком и ей приятно было бы с ним работать. Но это зависело не от нее и не от меня, а от Потякина.

Я чувствовала себя виноватой.

— И еще... — сказала Лида. — Меня муж обманул...

Я обрадовалась, что Лида дала мне вторую попытку, на которой я могла бы как-то реабилитироваться.

— Мы с ним не были расписаны, но жили вместе пятнадцать лет. Детей воспитывали. Мы так хорошо жили... А потом он влюбился в одну и расписался с ней. А мне ничего не сказал. Жил то тут, то там... Я только через полгода узнала. Спрашиваю: это правда? Он говорит: правда. Я говорю: ну и иди к ней.

— А он?

— Ушел. А сейчас обратно просится.

Лида посмотрела на меня. Ее глаза были будто вымыты страданием.

— Я хочу спросить: пускать мне его обратно или нет?

— Это вы сами должны решить, — убежденно сказала я.

Лида опустила глаза в колени.

— Вы его любите? — расстроилась я.

— Я ему больше не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида сморгнула слезу.

— А вы можете без него обойтись?

Лида потрясла головой и вытерла щеку ладонью.

— Тогда пустите.

— Я боюсь, он у меня половину площади отберет. Я ему не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида стянула шапку и сунула в нее лицо.

Я отошла к окну и стала смотреть на улицу. За окном виднелся детский сад, похожий на оштукатуренный мавзолей. Во дворе бегали дети в цветных веселых демисезонных пальтишках. А мы с Лидой решали и не могли решить ее проблемы: мошенничество Потякина, предательство мужа.

Может быть, надо бороться с мошенничеством и предательством, и это будет правда.

А может быть, устранимся и не играть в эти игры, и это тоже правда.

А может быть, смириться и оставить все как есть: работать с Потякиным, жить с мужем. И это будет правда с учетом судьбы и диалектики.

Если бы можно было разложить правды как помидоры: здоровые — в одну сторону, а гнилые — в другую. Но, откровенно говоря, выбирать Лиде не из чего,

и, если пользоваться терминологией овощной базы, весь шатер течет и его надо списать.

— А вы не могли бы написать в газету, чтобы разрешили дуэли? — спросила Лида.

— А кого бы вы убили? — обернулась я.

— Я убила бы мужа.

— Но ведь и он бы вас мог убить.

— Да. Но тогда бы он видел это. И ему потом было бы стыдно. А так он меня убил, и ему хоть бы что... И вообще, никому ничего не стыдно. Потякин всегда пообещает и не сделает. Я ему говорю: «Как же вам не совестно!» А он: «Извинюсь. Не расстреляют».

— Вы хотите, чтобы расстреляли?

— Ну, не совсем так уж... — смягчила Лида. — Чтобы все по правилам.

— По каким правилам? — заинтересовалась я.

Мне стало ясно, что дуэль — это не сиюминутный экспромт, а плод долгих Лидиных размышлений. Именно за этим она ко мне и приехала.

— Сначала заявление на дуэль, как в загс, — начала Лида. — Потом заявление должны разобрать и дать разрешение. Потом две недели на обдумывание. А уж потом дуэль.

— А стрелять где? На Лобном месте?

— Нет. На Лобном месте — это казнь. Насилие. А тут — кто кого, все по справедливости.

— Какая же справедливость в смерти? Смерть — это наивысшая несправедливость.

— Конечно, — согласилась Лида. — Умирать кому охота? Вот и будут жить внимательнее.

— Внимательнее к чему?

— К каждому дню. К каждому поступку.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Ну что? — спросила Милка. Она проверяла, жива я или нет.

— Я не могу говорить, — строго сказала я и положила трубку с бесцеремонностью, дозволенной между близкими людьми.

— Я вас задерживаю... — Лида встала.

Я пошла ее проводить.

Лида надела пальто, туфли.

Мы стояли, оттененные какой-то покорной грустью. Я была погружена в Лидин план возмездия. Земного суда.

— Три года на обдумывание, — предложила я. — Две недели мало в таком деле...

— А как вы думаете, могу я поступить в «Аэрофлот»? — спросила вдруг Лида.

— Кем?

— Все равно. Хоть в диспетчерскую... Вы знаете, я небо люблю. Я все болезни высотой лечу.

— Как это?

— Куплю билет до Ленинграда. Самолет поднимется на восемь тысяч метров, у меня все проходит. Я, наверное, раньше птицей была.

Я внимательно-доверчиво посмотрела на Лиду, ища в ее облике приметы птицы.

— Звоните, — сказала я.

Лида улыбнулась и ушла.

Я вернулась в комнату. Моя дочь сидела за пианино и тыркала в клавиши. Она училась в подготовительном классе музыкальной школы.

— Си-бемоль, — сказала я, поморщившись.

— Где?

Я подошла к инструменту и показала. Дочь нажала черную клавишу.

Может быть, подумала я, когда человеку трудно, не стоит искать смысла сразу всей жизни. Достаточно найти смысл сегодняшнего дня. А осмысленные дни протянутся во времени и пространстве и свяжутся в осмысленную жизнь.

Смысл сегодняшнего дня в том, что я научила дочь новому знаку, поправила маленькую ошибку. А завтра поправлю еще одну и научу не повторять предыдущих.

Я подошла к окну.

Лида уже пересекла дорогу и удалялась все дальше. Сейчас она свернет за угол,

и ее шерстяная розовая шапка последний раз мелькнет в моей жизни.

Очень возможно, что Лида сейчас поедет в «Аэрофлот», купит билет до Ленинграда и поднимется на восемь тысяч метров.

Если облака не закроют землю, то внизу будут видны города, четкие ремни дорог и круглые озера величиной с пятикопеечную монету.

А мужа и Потякина будет не видно совсем. Их не разглядеть, даже если очень напрячь зрение.

Потом я подумала, что, если бы мне дали разрешение на дуэль, я выбрала бы место у Красного собора, возле метро «Юго-Западная». За собором — поле, за полем — лес, над куполом — небо. Там очень красиво и возвышенно разрешать вопросы чести и не обидно приобщиться к вечности.

между небом и землей

Наташа сидела в аэропорту, ждала сообщения о своем рейсе. Рейс все время откладывали: сначала на три часа, потом на четыре. Этим же самолетом улетал в Баку на гастроли болгарский цирк. Циркачи расположились вольно, как цыгане: на полу, на креслах. Вокруг них бегали промытые, расчесанные болонки, одного возраста и роста. Наверное, у них в программе был свой собачий кордебалет.

Мимо Наташи прошел высокий мужчина, чем-то отдаленно похожий на ее первого мужа. Времени было много, голова пустая, и от нечего делать Наташа вспомнила свое первое замужество. В другом случае она бы про него не вспомнила.

Они поженились, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два. И тут же ра-

зошлись. Ну, не совсем тут же. Месяцев восемь они все же прожили. Брак оказался непрочным. Как только схлынула страсть, обмелела их река, обнажилось дно, а на дне всякие банки-склянки, мура собачья. Они стали ругаться, ругались постоянно и из-за ничего. Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями, и наконец умерла. Но, разойдясь, еще долгое время продолжали встречаться и продолжали ругаться. Они не могли быть вместе и не умели быть врозь. Тема их ссор была примерно такова: Наташа считала мужа дураком, не способным соответствовать ее красоте. Ей казалось, что фактор красоты должен давать в жизни дополнительные преимущества, как, скажем, билет на елку или продуктовый талон к празднику. А муж говорил, что красота — явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой. А его способность к устойчивому чувству, именуемому «верность», — навсегда. Это не девальвируется временем. Так что он — муж на вырост. Сейчас немножко не годится, зато потом — в самый раз. Но в восемнадцать лет невозможно думать о потом. Жизнь представляется непомерно долгой, кажется, что всего еще будет навалом и все впереди...

Они разошлись и встретились через двадцать лет. Он был женат во второй раз, имел дочь, которую назвал ее именем. Жил в другом городе. Наташа попала в этот город по делам службы. Она знала, что экс-муж живет где-то здесь. Позвонила ноль девять, назвала его фамилию. (Она ее помнила.) Ей дали телефон. Наташа набрала номер и услышала его через двадцать лет. Голос не изменился. Голос — инструмент души, а душа — не стареет. Вечная девушка. Они разговаривали друг с другом прежними молодыми голосами.

— Здравствуй, — сказала Наташа. — Только не удивляйся.

— А кто это? — насторожился он.

— Это твоя жена за номером один.

Настала пауза — такая длинная, что Наташа подумала: телефон разъединили.

— Алло? — позвала она.

— Я сейчас приду, — сказал экс-муж. — Куда?

Она назвала гостиницу и номер.

Положив трубку, занервничала. Было непонятно: зачем позвонила? Зачем позвала?

Надела белую французскую кофточку. Потом передумала и поменяла на черную: к фигуре лучше, зато хуже к лицу. Надо было выбирать между лицом и фигурой.

В дверь постучали скорее, чем она предполагала. Она открыла и увидела своего первого мужа. Эти двадцать лет его слегка расширили, плоскости щек стали больше. Но выражение лица и вся его сущность остались прежними, и эта сущность откровенно выглядывала из окошек больших зеленовато-бежевых глаз.

— Какая ты стала... — проговорил он и покивал головой, как бы подтверждая свою правоту: красота миновала, как станция, и именно через те самые двадцать лет, о которых он честно предупреждал.

— А ты совершенно не изменился, — ответила Наташа, подтверждая, что он каким дураком был, таким и остался.

Наташа действительно изменилась за двадцать лет. Если сравнивать Наташину красоту с природой, то раньше она была луговая, а стала полевая. Но кто знает, что лучше: луг или поле.

Удивительно было другое: они начали ссориться с той самой фразы, на которой прервались двадцать лет назад. Как будто не было этих двадцати лет и они расстались только вчера с этими же претензиями.

Потом спустились в ресторан поужинать. Выпили вина. Он стал рассказывать, как долго и мучительно переживал свой

разрыв с ней. Женился потому, что боялся спиться.

— Но ведь пережил, — успокоила Наташа, уходя от неприятной темы и давая понять, что все плохое уже позади. В прошлом.

— Но ведь я переживал.. — Он подчеркнул слово «переживал», настаивая на длинном куске жизни, отданном страданию.

— Стрдать полезно, — как бы оправдалась Наташа. — Страдания формируют душу.

— Ерунда, — не согласился он. — Не помню, кто-то сказал: «Счастье — вот университеты». Страдания иссушают душу. А из засухи ничего путного не возрастает. Всякие сорняки вроде злости.

Он действительно оказался способен к устойчивому чувству. Сначала он ее любил. Потом ненавидел. Теперь не простил. Значит, она была с ним всегда.

Выпили еще. Наташа рассказала о своей диссертации. Она изучала наследственный код маленьких мушек дрозофил. Дрозофилы — это те, что любят фрукты. И мушки дрозофилы, летающие над фруктами, больше похожи на пыль, чем на живые организмы. А она их скрещивала, изучала и делала через них серьезные выводы, касающиеся всего человечества.

Первый муж рассказал, что после своего медицинского стал специализиро-

ваться на зубном протезировании. У него прекрасные заграничные фарфоровые материалы, и спрос на него превышает его физические возможности. Подо всем этим подразумевалось, что денег — куры не клюют и Наташа поторопилась тогда, двадцать лет назад. Сейчас он был бы ей как раз впору.

— Ты замужем?

— Да, — соврала Наташа. Она была замужем, но не до конца.

— А ты изменяешь своему мужу?

Это был главный вопрос. Женская верность — вот его главное требование к женщине, и, если Наташа отвечала этим требованиям, значит, его утрата была невозполнима.

— Как тебе не стыдно? — удивилась Наташа.

— Так да или нет?

— Никогда!

Первый муж расстроился и поник. То, что в нем осело и успокоилось за прошедшую жизнь, вновь всплыло со дна души, как бывает, если в пруду поворочить палкой, и поднимаются тина и грязь, а может, даже и череп с костями.

Потом они расстались. И это еще на двадцать лет. Город, в котором он жил и работал, был маленьким, командировки туда

были случайностью, да и не в этом дело. Дело было во взаимной бесполезности.

Разойдясь с мужем, Наташе казалось, что она вновь выйдет замуж очень скоро. Что стоит ей выйти на улицу и крикнуть: «Хочу замуж!» — как тут же сбегутся толпы и выстроятся в длинную очередь. Но она была наивна в своей самоуверенности. Поиском счастья занято все человечество, а находят его единицы. Ну, десятки... Ну, даже сотни. Но что такое одна сотня на все человечество... Однако Наташе удалось со временем попасть в сотню, и даже в десятку, когда она полюбила Китаева, профессора биохимии, автора четырнадцати блестящих открытий, в том числе гипотезы о возрасте Земли. Казалось, что у него в голове не мозги, а какая-то сверхмощная электростанция, которая генерирует идеи, заряжая ими окружающих. Он раздаривал идеи направо и налево, был щедр, как всякий талант, как курочка-ряба, которая несет золотые яйца и не дрожит над каждым. Она знает, что следующее — тоже будет золотым.

Внешне Китаев был лысоват, желтоват, сух, походил на камбоджийца, хотя не имел к этой стране никакого отношения. Он был похож на мать, и с возрастом это сходство увеличивалось.

Наташа не замечала его некрасоты. Красавец у нее уже был. Она видела Китаева своим собственным зрением, и все остальные мужчины рядом с ним казались бледными и невразумительными, как десятый оттиск через копирку.

Китаев долгое время не мог поверить в Наташину любовь, потом все же поверил, а за долгие годы и по привычке, как к жене, хотя Наташа не была его женой. Женой считалась другая. Но эта другая ничему не мешала, а Наташа ничего не требовала, и создавалась возможность ничего не менять. Постоянные перемены клубились в золотых мозгах Китаева, а к внешним переменам он был холоден.

Иногда Наташе казалось, что завтра, именно завтра, а не послезавтра, он делает ей предложение — так глубоко было их прораствание друг в друга. А иногда ей казалось, что этого не случится никогда. Можно было бы не гадать, а прямо спросить, но в вопросах — и вообще в словах — есть конкретность. Музыка — высшее из искусств, потому что она не конкретна. Музыка и любовь должны быть вне слов. Во всяком случае — вне вопросов.

И сегодня утром, когда Китаев позвонил ей из Баку, где пребывал на симпо-

зиуме стран Азии и Африки, и позвал Наташу приехать на последние пару дней, она не стала спрашивать: зачем? И так ясно. Соскучился. Не может дожить без нее оставшиеся дни. Но из этих двух дней десять часов уже украдено, отдано черту. Она сидит в московском аэропорту, а он в бакинском — выкинут в бездействие и ожидание и наверняка жалеет, что затеял этот марш-бросок.

Медный голос над залом объявил посадку. Циркачи задвигались, собаки дружно залаяли, как будто поняли и обрадовались.

Наташа пристегнула ремни. Ее тошнило от страха и подъема и оттого, что в ней девять часов бродило и переставало чувство к Китаеву.

Самолет шел толчками, а потом куда-то оседал вниз, и всякий раз, когда он оседал, сердце катило к горлу в предчувствии конца. Она не столько боялась самого конца, сколько дороги к нему. А дорога предстояла длинная, секунд в тридцать, и что самое неприятное — осмысленная. У Наташи был дальний родственник Валик, которого завалило в шахте. На него упало сорок тонн породы, и понадобилось много вагонеток, чтобы его откопать. Откопали его с седыми бровями, хотя это

был молодой человек. Значит, какое-то время, может быть, секунд тридцать, а то и шестьдесят, он жил, полностью понимая, что с ним случилось. Его жена Надька падала на гроб с неподдельным безумством отчаяния, как великая итальянская актриса Анна Маньяни. В тех южных районах похороны — своего рода спектакль, катарсис, очищение, когда выдыхаешь в крике все отчаяние, несогласие с судьбой. А люди вокруг, заразившись чужим несогласием, тоже плачут и выдыхают свое собственное, чтобы облегчить душу и жить дальше. Надька падала на гроб, ее отгаскивали. Фотограф запечатлевал эти мгновения. Однако через неделю у Надьки уже ночевал некий Петько. Оказывается, он имел место еще при жизни мужа и они еле-еле переждали эту неделю. Соседи были недовольны, и в обиходе ходила фраза: «Еще пятки не успели остыть», имея в виду пятки Валика. Но больше всех убивалась Надькиной изменой ее мать, теща Валика. Она приходила к ним в дом и допрашивала Надькину дочку-подростка:

— Вин ночевав?

— Ночевав, — хмуро отвечала девочка.

— На кровати? — пугалась Надькина мать.

— А дэ ж? — удивлялась девочка. — Пид кроватью, чи шо?

содержание

извинюсь. не расстреляют.....	5
между небом и землей.....	18
не сотвори	44
центровка	87
упк	113
северный приют	
<i>повесть в диалогах</i>	128
длинный день	
<i>повесть</i>	210

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
извинюсь. не расстреляют

Редактор Д.Гурьянов

Корректоры Н.Соколова, Л.Козлова

Технический редактор Л.Синицына

Компьютерная верстка Т.Коровенковой

В оформлении обложки использовано фото

© art_of_sun/shutterstock.com

Фото на задней стороне обложки из личного архива автора

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Азбука»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 07.09.2018

Формат 75×100 1/32. Бумага офсетная пухлая.

Гарнитура «Original Garamond»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,8

Доп. тираж 2000 экз. В-TGP-16811-05-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru